

УДК: 167.7

ГРНТИ: 02.41.41

**КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Наумов Дмитрий Иванович,

кандидат социологических наук, доцент,

заведующий кафедрой экономической социологии,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,

cedrus2014@mail.ru

**THE COLLECTIVE MEMORY AS A FACTOR OF NATIONAL IDENTITY:
A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT**

Dmitry I. Naumov,

candidate of social Sciences, associate Professor,

head of the Department of economic sociology,

Belarus State Economic University, Minsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль коллективной памяти в формировании национальной идентичности и сохранении культурно-исторической традиции, в функционировании политической системы современного общества.

ABSTRACT

The article considers the role of collective memory in the formation of national identity and the preservation of cultural and historical traditions, in the functioning of the political system of modern society.

Ключевые слова: коллективная память; национальная идентичность; политика.

Keywords: collective memory; national identity; politics.

В современном западном социально-философском дискурсе различные аспекты проблематики, связанной с междисциплинарными исследованиями коллективной памяти, которые обычно определяются общим термином «*memory studies*», разработаны такими исследователями, как М. Хальбвакс, Ф. Ариес, П. Рикер, Дж. Олик, Я. Ассман, А. Ассман, Д. Лоуэнталь, М. Ферро, П. Хаттон, И. Ирвин-Зарецка, П. Нора, Н. Хиер, Э. Хобсбаум и др. Необходимо отметить, что данная проблематика является популярным и активно развивающимся направлением научных исследований и на постсоветском пространстве, свидетельством чего являются соответствующие работы К.С. Гаджиева, Н.Е. Колосова, О.Ю. Малиновой, А.И. Миллера, Л.П. Репиной, Е.В. Романовской, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева, В.А. Шнирельмана и др. Работы зарубежных и отечественных исследователей преимущественно сфокусированы на следующей проблематике: природа и факторы конструирования коллективной памяти; роль травмирующих событий всемирной истории новейшего времени (мировые войны, геноцид, техногенные катастрофы и т.д.), в формировании коллективной памяти; роль государственной политики памяти в формировании коллективной памяти сообщества; проблема соотношения коллективной памяти и современных националистических идеологий (или, согласно В.А. Шнирельману, идеологий этнической конфронтации); параметры влияния коллективных представлений о прошлом на поведение людей и т.д. Как можно заметить, в практике исследований постулируется политизированность как самой проблематики коллективной памяти, так и природы данного феномена, что вызывает определенный интерес к вопросу о соотношении коллективной памяти и политической идентификации гражданина современного государства с его дифференцированной институциональной системой.

Современная политическая система является совокупностью взаимодействий политических субъектов (как государственных, так и негосударственных институтов), функционально связанных с осуществлением

власти и управлением обществом. При этом они не только формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или составляющих его групп, но и в политико-культурном смысле обеспечивают определенную гомогенность политически организованного сообщества. В данном случае общий аксиологический базис выступает в качестве обязательного компонента процесса нормального функционирования политической системы. Однако его формирование является проблемой, т.к. ценности, традиции, мифологемы и нормы являются социокультурным продуктом, возникающим в ходе исторического развития сообщества в большей степени непреднамеренно, нежели в результате сознательного их конструирования различными акторами. Для современной политической системы исторически обусловленная нормативно-ценностная система общества создает пространство смыслов и значений, которое обуславливает конструирование общих динамичных рамок социальной реальности. И одним из важных факторов, характеризующих процесс конструирования и параметры функционирования нормативно-ценностной системы общества, является коллективная память.

Как представляется, комплексная характеристика феномена национальной идентичности является залогом для раскрытия всего спектра взаимосвязей политической системы (как в институциональном, так и в процессном аспектах) и коллективной памяти сообщества (как квинтэссенции общезначимых смыслов и аксиологических приоритетов). При этом необходимо учитывать амбивалентность коллективной памяти, которая одновременно выступает как в качестве фактора формирования и поддержания национальной идентичности, так и создания напряжения в политической системе. В данном случае это обеспечивается посредством генерирования конфликтогенных интерпретаций исторического прошлого, ставящих под сомнение в социально-психологическом плане принадлежность индивида к определенному этносу или нации. Соответственно, актуальность данной проблемы исследования определяется рядом теоретических вопросов, которые могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, в гносеологическом аспекте представляет интерес вопрос о той роли, которую играет коллективная память в создании символического образа нации, в случае согласия с концепцией нации как воображаемого сообщества, разработанной Бенедиктом Андерсоном, и его поддержании в общественном сознании. Иначе данную проблему, если актуализировать идеи Роджерса Брубейкера о политике идентичности, можно сформулировать следующим образом: играет ли значимую роль коллективная память в конструировании государством или иными акторами политики идентичности посредством навязывания представителям какого-либо сообщества определенные когнитивные стереотипы о своей нации, стране и мире. При этом актуализируется проблема оценки конфликтогенного потенциала коллективной памяти, которая выступает как «активная способность человека, что мы видим по тому, как действенно она преобразует известные факты прошлого. Но память – не критическая или рефлексивная способность, и это становится абсолютно очевидным, когда различные «воспоминания» вступают друг с другом в противоречие (как тенденция это случается всякий раз, когда разные этнические группы – например, израильтяне и палестинцы, сербы и хорваты, боснийские сербы и боснийские мусульмане и т.д. – приводят различные «исторические» оправдания в пользу своего доминирования в регионе)» [2, 110].

Во-вторых, требует прояснения роль и место коллективной памяти в создании и поддержании символических демаркационных линий, разделяющих сообщество на различные группы. Ведь она в определенной степени обуславливает как классификационные схемы и способы интерпретации символических различий, так и критерии соответствия индивидов и сообществ эталонным и/или референтным группам (например, как в достаточно распространенных на постсоветском пространстве случаях применения дискриминационных практик в отношении людей, не принадлежащих к так называемой «титупной нации»). При этом надо учитывать релятивность и амбивалентность социальных норм, ценностей и символов в культуре современного социума. Это создает определенные трудности для сохранения и

трансляции как самих символических демаркационных линий, так и их детерминант. Так, на этот аспект достаточно определенно указывает В.А. Шнирельман: «Политические, экономические, демографические и другие процессы, меняющие положение данной этнической группы в контексте более широкой социополитической системы, перестройка политических союзов, сдвиги в оценках иноэтничных соседей и изменения в самооценках – все это прямо и непосредственно влияет на представление об окружающем мире, которое вырабатывает и поддерживает этническая группа. Поэтому, если наши взаимоотношения с прошлым и отличаются какой-либо объективностью, то она состоит в процессе бесконечных изменений, заставляющих нас вносить коррективы в оценку того, что происходило в прошлом, или даже кардинально ее пересматривать» [6, 17].

В-третьих, в содержательном аспекте феномен национальной идентичности включает в себя не только субъективное восприятие и понимание общего прошлого каждым поколением, но и коллективную память об этом прошлом как совокупности исторических периодов развития сообщества, связанных между собой отношениями культурной преемственности. Как пишет американский историк Аллан Мегилл, «коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют «коллективную» память о данных событиях, но не в смысле некой надындивидуальной памяти – поскольку нет «памяти» вне индивидов, – но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт или гештальт, который пережили также и другие люди. Кроме того, эти образы или гештальты в большой степени совпадают, иначе память не была бы «коллективной»» [2, 112]. И здесь представляет интерес то, как в коллективной памяти соотносятся воспоминания о реальных исторических событиях и персонажах с мифологическими представлениями и идеологическими конструктами, как и почему происходит легитимация последних. Актуальность такой постановки вопроса обусловлена тем, что для современного общества характерна как

ностальгия по прошлому, так и страх перед прошлым. Все это является основой для политических манипуляций общественным мнением со стороны различных политических сил посредством социальных и медиа технологий. С одной стороны, это достигается посредством виктимизации определенных периодов исторического развития страны и государственных деятелей прошлого. С другой стороны, в качестве манипулятивного инструмента можно рассматривать абсолютизацию значимости историко-культурного наследия каких-либо этносов, статуса их автохтонности в определенном географическом регионе и гипертрофированные оценки их вклада в историю человечества. Постсоветская реальность свидетельствует, что это в полной мере находит свое выражение в конструировании этногенетических мифов и этноцентричных пантеонов исторических героев, открытии «памятных мест» на основе идеологически реконструированного исторического материала, активном развитии мемориальных практик, воспринимаемых в качестве компонентов политической идеологии.

В-четвертых, существует проблема методологического характера, обусловленная неспособностью традиционных монистических философских теорий адекватно описывать и объяснять динамичную социальную реальность современного мира, в котором любой социокультурный феномен (в том числе, коллективная память или национальная идентичность) представляет собой высоко плюралистичное, децентрированное и постоянно меняющееся образование. Так, для современной эпохи характерны высокие темпы социокультурных трансформаций, разноскоростная динамика коллективной памяти в различных этнокультурных сегментах мультикультурного общества, увеличение количества форм репрезентации прошлого, различие в подходах к моральной оценке исторических событий в коллективной памяти разных этнокультурных сообществ.

Итак, английский историк Патрик Хаттон определяет коллективную память как сложную «сеть общественных нравов ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех

социальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки (*cadres sociaux*) коллективной памяти, и только внутри этой системы координат может быть расположена индивидуальная память, если ей суждено выжить» [4, с. 200]. Коллективная память участвует в формировании и поддержании референциальных рамок сообщества, что актуализирует выявление ее роли при конституировании национальной идентичности. Для достижения заявленной цели необходимо в социально-философском плане раскрыть основные аспекты взаимодействия между собой коллективной памяти и национальной идентичности, рассматриваемой как с точки зрения примордиализма, так и конструктивизма.

В рамках примордиализма постулируется конструирование национальной идентичности на основе этнокультурных факторов (культура, язык, традиции и т.д.), которые трактуются как продукт естественного исторического развития этноса и подтверждают его автохтонность на определенной территории. При этом природа этнокультурных факторов фактически рассматривается в ключе эссенциализма, т.к. сторонники примордиализма «убеждены, что местная социокультурная реальность отмечена примордиалистской подлинностью, самобытностью, миссией и величием» [3, 133]. В свою очередь, процесс формирования как нации, так и национального государства приобретает иррациональный характер, когда его невозможно каким-либо образом контролировать и формализовать. В этом процессе ведущую роль играют социально-психологические и социокультурные детерминанты, на что обращает внимание Майкл Биллиг: «Необходимыми условиями воспроизводства мира наций служат воображение нации, память о ней, вера в нее и прочее. Для воспроизводства национального государства необходимо бесконечное множество психологических действий. И эти психологические действия не должны анализироваться с точки зрения мотивов отдельных участников» [1, 64]. В этом процессе коллективная память играет роль топлива, состоящего из объединяющих сообщество представлений о его «золотом веке», метафоричных

оценок культурных достижений, символов, ценностей, норм и мифов, языковых средств социальной коммуникации, которые имеют выраженную этнокультурную, а иногда и этноконфессиональную, окраску. Для обычного же человека коллективная память играет роль смыслопорождающего механизма, т.к. она, во-первых, способна «одушевлять те приватные миры, в которых жили и созидали ценности обычные люди» [4, 245]; во-вторых, является идентификационным основанием в широком смысле, когда «идентичность нации является столь же необходимым практически постулатом человеческого общежития, как и идентичность индивидуального лица» [5, 292]. Однако такое общество по определению не может быть многосоставным, плюралистичным и мультикультурным. Именно поэтому немецкий философ Курт Хюбнер настаивает на сохранении уникальности и аутентичности каждого этноса, как фактора развития всего человечества. Он достаточно безапелляционно пишет: «Требование мультикультурного общества в конечном счете сводится лишь к тому, чтобы в пустопорожнем резонансе человек потерял бы свои собственные корни и рассматривал культуру не как образ жизни, а всего лишь как интеллектуальную игру. Поэтому толерантность, которая делает возможной распространение этой игры, в своей основе оказывается лишь безразличием» [5, 390].

В рамках конструктивизма национальная идентичность является продуктом искусственного создания сообщества в рамках современного государства, при котором значение этнокультурных факторов минимизируется, в отличие от факторов идеологического, политического и экономического характера. Построение национальной идентичности актуализирует формирование универсального культурного пространства на основе общего литературного языка, пантеона общих исторических героев и реестра значимых исторических событий. Безусловно, это предполагает определенную селекцию по отношению к коллективной памяти в дидактических и идеологических целях, на что обращает внимание Джошуа Фишман: «При конструктивистском подходе социальные, политические, экономические и исторические процессы и условия

считаются определяющим фактором при «конструировании» наций и этнических групп. Эти процессы и условия определяют характер и значение этничности и оказывают на нее определяющее влияние. В свою очередь этничность имеет различные определения, так или иначе связанные с особой локальной культурной идентичностью» [3, 132-133]. При такой трактовке национальной идентичности определяющее значение для ее успешного формирования играет не столько коллективное самоопределение, социально-психологическое отождествление индивида с референтной группой, сколько лояльность граждан государства к политической системе и высокий уровень институционального доверия. Превалирование утилитарных мотивов и инструментализация политического поведения минимизируют значение экспрессивных компонентов коллективной памяти и усиливают роль ее интроспективной составляющей. Кроме того, коллективная память содержит материал, необходимый для конструирования образа жизни эталонного представителя нации, приоритетов ее социального развития, а также представления о тех исторически справедливых границах, которые должны очерчивать территорию проживания нации.

Таким образом, коллективная память является динамической структурой, релевантной социальному и культурному контексту, которая выступает в качестве фактора конструирования и поддержания национальной идентичности в пространстве отношений власти, господства и доминирования. В проективном аспекте данная ситуация выглядит как выражение исторически обусловленного коллективного опыта, выступающего в качестве смыслового фундамента будущего политически организованного сообщества. В ретроспективном аспекте – как детерминанты сохранения историко-культурной преемственности определенного сообщества (например, в виде ностальгического потребления или конструирования локальных версий исторического прошлого). В целом, влияние коллективной памяти как на формирование национальной идентичности граждан какого-либо политически организованного сообщества, так и на политические процессы в стране в целом, представляет собой сложный и

многоаспектный процесс, который требует продолжения соответствующих междисциплинарных исследований.

Список литературы

1. Биллиг, Майкл. Нации и язык // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 60-86.
2. Мегилл, А. Историческая эпистемология. – М.: «Канон+», 2007. – 480 с.
3. Фишман, Джошуа. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. – 2005. – № 4(49). – С. 132-140.
4. Хаттон, П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2004. – 424 с.
5. Хюбнер, Курт. Нация: от забвения к возрождению / Перевод с немецкого А.Ю. Антоновского. – М.: Канон+, 2001. – 400 с.
6. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: Академкнига, 2003. – 592 с.